

А. В. Антошин

О них не любят вспоминать: вторая волна эмиграции из СССР в отечественных исследованиях второго десятилетия XXI в.

Введение

Одной из наиболее заметных исследовательских тем, которые формировали водораздел между советским и постсоветским этапами в развитии отечественной гуманитаристики, является история русского зарубежья. Данная проблематика часто воспринимается как одна из наиболее популярных в отечественной науке последних десятилетий: так, А. А. Прониным было выявлено 903 диссертации, защищенные в нашей стране по различным аспектам этой темы в 1980–2005 гг.¹

В данном случае исследователи, безусловно, откликнулись на тот «социальный заказ», который сформировался к моменту распада СССР. Уже к концу 1980-х гг. стало очевидно, что история русского зарубежья — одно из наиболее значимых «белых пятен» в российском общественном сознании. Постепенно русское зарубежье превратилось в один из символов, который использовала политическая элита в поисках «национальной идеи», новой идентичности для России. Не случайно в 1990-е гг. в Москве благодаря усилиям А. И. Солженицына и Ю. М. Лужкова возникает библиотека-фонд «Русское зарубежье», впоследствии преобразованная в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

В 2000-е гг. формируется традиция петербургских «Нансеновских чтений» — ведущего российского форума специалистов-эмигрантоведов. Наряду с некоторыми другими традиционными конференциями по данной проблематике (такими, как, например, московская «Люди

Антошин

Алексей Валерьевич

д-р ист. наук,
проф., Уральский
федеральный
университет им.
первого Президента
России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Финансирование:

Исследование
выполнено при
поддержке Россий-
ского научного фонда
(РНФ), проект
№ 22-28-01705
«Интернационализация
проблемы беженцев,
“перемещенных лиц”
и малых народов
в условиях холодной
войны», [https://rscf.ru/
project/22-28-01705/](https://rscf.ru/project/22-28-01705/)

и судьбы русского зарубежья»), «Нансеновские чтения» во многом стали формировать основные тренды изучения эмигрантской тематики в современной России.

Исследования в рамках данной тематики, безусловно, были актуализированы и теми политическими процессами, которые протекали на постсоветском пространстве и за его пределами. Принятие законодательства, связанного с поддержкой зарубежных соотечественников, не могло не усилить общественный резонанс вокруг концепта «Русский мир». Деятельность фонда «Русский мир», акции представителей российской диаспоры в разных странах мира (в частности, «Бессмертный полк») широко обсуждались в обществе, иногда вызывая неоднозначную реакцию. Все это, однако, привлекало внимание к феномену отечественной эмиграции, делало данную тематику более значимой и актуальной.

Вместе с тем давно замечено, что основной исследовательский интерес к данной тематике связан прежде всего с феноменом русского зарубежья 1920–1930-х гг. Именно ему в первую очередь посвящены конференции и круглые столы, именно этому сюжету уделено основное внимание в экспозиции недавно открывшегося в Москве Музея русского зарубежья.

Однако эмиграция из нашей страны — это феномен не только межвоенного периода. Уже в конце 1940-х — начале 1950-х гг. внимание западной общественности привлекли работы Дж. Фишера, который одним из первых заявил о «новой советской эмиграции»². Именно он выделил те основные группы, из которых состоял этот феномен: военнопленные, «остарбайтеры» и, по его словам, «самая маленькая группа» — те, кто ушел вместе с немцами после освобождения территории СССР частями Красной армии в 1944 г. Вышедшая в 1952 г., на пике холодной войны, книга Дж. Фишера «Советская оппозиция Сталину» фактически впервые обстоятельно рассказала американской общественности о феномене так называемых власовцев³.

Через 25 лет, в 1977 г., уже в новых условиях «разрядки», серьезный резонанс на Западе имела книга потомка русских эмигрантов Н. Д. Толстого «Жертвы Ялты»⁴. Именно в ней перед американским и европейским массовым читателем был поставлен вопрос о трагических последствиях «частично насильственной» репатриации в СССР после войны.

В нашей стране о второй волне эмиграции из СССР впервые активно стали писать после крушения коммунистического режима. Благодаря усилиям историка и архивиста А. В. Попова в 1990–2000-е гг. выходила серия «Материалы к истории русской политической эмиграции», в рамках которой был опубликован сборник «В поисках истины: пути и судьбы второй эмиграции», быстро ставший библиографической редкостью⁵. А. В. Поповым были изданы также мемуары протоиерея Д. Константинова, К. Ф. Штеппы, Н. А. Троицкого и других видных представителей послевоенной политической эмиграции из СССР⁶. Однако во второй половине 2000-х гг. издание серии «Материалы к истории русской политической эмиграции» было прекращено.

Одновременно стал явственно ощущаться некий перелом в современной истории исторической науки в России. Свообразным подведением промежу-

точных итогов стал выход в свет в 2011 г. под редакцией Г. А. Бордюгова коллективной монографии «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен»⁷, имевшей широкий резонанс в академических кругах⁸. Прошло еще более 10 лет, и пора подводить итоги второго десятилетия XXI в. Как представлена вторая волна эмиграции в российской исследовательской литературе последнего десятилетия? Ответу на этот вопрос и посвящена данная статья.

**«Нет у нас дома, кроме тебя, дощатый барак...»:
русская историческая литература о жизни в лагерях «ди-пи»
и репатриации в СССР**

Лагерь для перемещенных лиц («ди-пи») — место, где советский гражданин, оказавшийся в результате войны за пределами своей родины, оказывался на распутье. Перед ним стоял выбор (который часто делался им не добровольно): пытаться остаться на Западе или вернуться в Советский Союз? При этом, конечно, тем «ди-пи», которые принимали решение об эмиграции, предстояло преодолеть немало препятствий, поскольку советская эмиграционная политика носила рестрикционный, а нередко фактически запретительный характер. Это было связано с сущностью миграционной политики СССР в целом, «стремлением к жесткому регулированию миграционного потока со стороны власти»⁹.

В зарубежной историографии тема лагерей «ди-пи» уже достаточно давно активно изучается. Вышли в свет работы, посвященные деятельности международных организаций по формированию системы данных лагерей, идейно-политическим установкам находившихся там советских перемещенных лиц, политической борьбе внутри лагерей¹⁰. Работы западных исследователей отличает активное использование разнообразных источников (архивных документов, материалов «устной истории», прессы и т. д.). В целом в этих трудах доминирует негативное отношение к проводимой Советским Союзом политике послевоенной репатриации. Большинство западных исследователей исходят из того, что ситуация в СССР, репрессивная политика сталинского режима по отношению к бывшим военнопленным и «остарбайтерам» фактически вынуждали этих людей оставаться на Западе.

К сожалению, российские историки только начинают серьезно изучать жизнь наших соотечественников в лагерях «ди-пи». Здесь необходимо выделить труды Т. А. Котовой, которая обратилась к проблематике истории повседневности лагерей «ди-пи»¹¹. Эти исследования находятся в рамках концептуальных подходов, выдвинутых в XX в. некоторыми европейскими историками, которые предложили изменить масштаб изучения прошлого и обратились к микроанализу. Микроисторический подход действительно дает возможность прояснить «конкретный облик» глобальной истории, хотя важнейшей проблемой в его использовании всегда является вопрос о репрезентативности объекта исследования.

Заметим, что проблемы истории повседневности лагерей «ди-пи» ранее не становились объектом специального изучения в отечественной историо-

графии (хотя концептуальные аспекты проблемы повседневности русского зарубежья уже анализировались в труде В. Ю. Волошиной¹²). Т. А. Котова достаточно обстоятельно характеризует в своих работах быт обитателей лагерей «ди-пи», организацию в них продовольственного снабжения и медицинского обслуживания. В ее работах можно встретить интересные сюжеты, на которые историки, к сожалению, редко обращают внимание. Нельзя не отметить тот факт, что историк не боится обращаться к достаточно сложным проблемам, которые весьма неоднозначно воспринимаются в российском обществе. Так, в частности, она весьма взвешенно подходит к вопросу о деятельности католических организаций по оказанию помощи советским «ди-пи». Характеризуя феномен русских католиков, Т. А. Котова выступает против огульных обвинений в адрес католической церкви в прозелитизме. Историк справедливо подчеркивает: «Миллионы людей, оставшихся без крова и измученных войной, опустошенных морально и физически, готовы были принять любую помощь и расценить ее как гуманный акт»¹³. Вместе с тем источниковая база публикаций Т. А. Котовой (мемуары бывших советских «ди-пи») могла бы быть более основательной.

Жизнь в лагерях «ди-пи» была связана для их обитателей с возможностью быть репатрированными в Советский Союз в соответствии с Ялтинскими соглашениями 1945 г. Часть советских «ди-пи», бесспорно, стремилась всеми способами избежать репатриации. Значительную помощь им в этом оказывали деятели Национально-трудового союза (НТС) — наиболее заметной эмигрантской организации эпохи холодной войны. Этому сюжету посвящена статья проживающей во Франкфурте-на-Майне С. Е. Арро. Публицист во многом продолжает идейную линию, начатую уже упомянутой книгой Н. Д. Толстого «Жертвы Ялты». С. Арро полагает, что этой книгой Н. Д. Толстой «бросил в лицо джентльменов перчатку»: «Военные и гражданские руководители Англии и Америки покрыли себя позором, прогнувшись перед требованиями Сталина и перевыполнив все условия выдачи русских пленных, остарбайтеров и старых эмигрантов, не подлежащих репатриации даже по условиям ялтинских соглашений»¹⁴. Она отмечает, что вопрос о роли представителей британской и американской политической элиты в выдаче советских «ди-пи» в СССР по-прежнему остается на Западе одной из табуированных тем.

Однако С. Е. Арро критически настроена не только в отношении западного исторического сообщества. Характеризуя современную историографическую ситуацию в России, связанную с исследованиями второй волны эмиграции, она заявляет: «Единичным честным исследованиям противостоит псевдопатриотический поток устаревшей мифологии»¹⁵. Публицистическая статья С. Арро, написанная на основе весьма узкого круга источников (преимущественно мемуаров деятелей НТС), тем не менее поставила немало серьезных вопросов перед современным научным сообществом российских историков.

Эту линию продолжает проживающий в Италии М. Г. Талалай, посвятивший свою статью итальянскому этапу в судьбах эмигрантов второй волны. «Исюминкой» данной публикации является опора автора на материалы его бесед с проживающими в Италии бывшими советскими «ди-пи», рассказ

о сложных, изобиловавших многочисленными поворотами, судьбах этих людей. Интересен взгляд М. Г. Талалая на проблему возвращения некоторых бывших «ди-пи» на родину. «Не касаясь темы последующих репрессий на родине, — указывает он, — скажем лишь, что если вначале их замалчивали, то позднее, на наш взгляд, произошел перекося в противоположную сторону, когда чуть ли не все репатриированные представлялись жертвами советской власти. В действительности очень многие быстро вошли в нормальное русло жизни»¹⁶. Учитывая, что М. Г. Талалай — человек, безусловно весьма негативно относящийся к сталинскому режиму, это наблюдение особенно ценно. Оно верно указывает на особенности российского исторического сознания, для которого характерен радикальный пересмотр устоявшихся подходов, далеко не всегда сопровождаемый серьезной работой с новыми историческими источниками.

Из лагерей «ди-пи» — в Новый Свет: вторая волна эмиграции из СССР и иммиграционная политика государств Запада в эпоху холодной войны

Те бывшие граждане СССР, кому удалось избежать репатриации, мечтали уехать как можно дальше от Европы: последняя больше всего пострадала от Второй мировой войны, в ней была сложная экономическая ситуация, к тому же можно было снова попасть в поле зрения советских репатриационных комиссий. Большинство новых эмигрантов стремились к отъезду в США — самую благополучную страну Запада середины XX в. Однако переселению туда препятствовали особенности американского иммиграционного законодательства, носившего рестрикционный характер. Проблематика иммиграции и натурализации бывших советских граждан в послевоенной Америке находится в центре внимания статьи А. А. Головкина. Он обращает внимание на специфику поведения в США эмигрантов второй волны по сравнению с их предшественниками: «Если у эмигрантов начала XX в. и послереволюционной эмиграции проблема принятия гражданства являлась либо малозначительной, либо дискуссионной, то для послевоенных эмигрантов вопрос принятия гражданства становился важным, осознанным этапом их адаптации и натурализации. Бывшие беженцы скорее пытались подать документы на гражданство, поскольку натурализованные граждане имели массу преференций над иностранцами»¹⁷.

В статье А. А. Головкина содержится любопытный анализ влияния холодной войны на эволюцию американского иммиграционного законодательства середины — второй половины XX в. Он показывает, что в конечном итоге в результате борьбы сторонников различных подходов верх в американской политической элите взяли приверженцы рестрикционного законодательства. При этом исследователь указывает: «Чем более обострялись отношения между СССР и Западом, тем либеральнее по своей форме становились подходы администрации США к вопросам беженцев»¹⁸. Фактически работа А. А. Головкина подводит читателя к важному концептуальному выводу: послевоенные волны советской эмиграции (как вторую, так и третью) следует рассматривать в контексте эпохи холодной войны и связанной с ней политики «разрядки». Именно в данном контексте становятся понятны подъемы и спады этих волн,

всплески политической активности эмигрантской интеллигенции. Эмигранты становились «разменными фигурами», пешками в «великой шахматной игре» сверхдержав, использовались ими в своих политических целях.

Среди тех регионов мира, которые стали значимыми центрами приема эмигрантов второй волны, выделялась Латинская Америка. Комплексный анализ проблемы места послевоенных эмигрантов в обществах Аргентины, Бразилии, Венесуэлы и некоторых других стран региона представлен в монографии М. Н. Мосейкиной. Она подробно характеризует специфику иммиграционной политики отдельных южноамериканских государств. Историк отмечает, что «в условиях “холодной войны” страны Латинской Америки, которые принимали ди-пи, преследовали как экономические, так и политические цели, но желание заполучить дешевую рабочую силу превалировало над всеми остальными»¹⁹. В работе М. Н. Мосейкиной представлен обстоятельный анализ проблем правового положения и социально-экономической адаптации эмигрантов в странах Латинской Америки.

Многие бывшие советские «ди-пи» в итоге оказались в Австралии, которая в первые послевоенные годы также весьма активно привлекала рабочую силу из Европы. Этой теме посвящены работы Г. И. Каневской²⁰. Она показывает, что бывшие советские перемещенные лица сыграли немалую роль в экономической модернизации Австралии второй половины XX в.: «... “ди-пи” показали себя относительно послушными и легко перемещающимися работниками, составив резервную армию для отраслей хозяйства с наихудшими условиями труда»²¹.

На фронтах холодной войны: современные исследователи о политической деятельности эмигрантов второй волны

Тезис о том, что эмигранты второй волны активно использовались западными спецслужбами в холодной войне против Советского Союза, конечно, не является новым. Именно под этим углом зрения всегда рассматривалась эта волна эмиграции в советской историографии, именно с этим были связано большинство упоминаний о ней в работах советских авторов²².

Что нового внесла в рассмотрение этого сюжета современная российская историография? Безусловно, в работах отечественных авторов последнего десятилетия представлен гораздо более глубокий анализ политической жизни эмигрантов второй волны. Ряд исследователей не боятся затрагивать такую «взрывоопасную» тему, как роль будущих представителей второй волны эмиграции в истории власовского движения. Особняком здесь стоит, конечно, петербургский историк К. М. Александров, чья защита докторской диссертации имела широкий общественный резонанс. Свою миссию он видит в доказательстве тезиса о закономерности формирования феномена Русской освободительной армии (РОА) как результата репрессивной политики советской власти в 1917–1941 гг.²³ Более сложный образ власовского Комитета освобождения народов России (КОНР), на наш взгляд, представлен в статье В. Ю. Черняева. Он показывает, что идейные искания создателей Манифеста КОНР носили весьма противоречивый характер, вторая волна с трудом находила общий язык

со старой эмиграцией. Вместе с тем, как и К. М. Александров, В. Ю. Черняев полагает, что в Манифесте КОНР во многом был заложен тот потенциал, который был реализован в период крушения коммунистического режима в СССР в 1991 г.²⁴

Эти идеи нашли свое наиболее яркое выражение в сборнике документов «От Зарубежья до Москвы», подготовленном современным руководством НТС. Продолжая отстаивать традиционный для НТС тезис о РОА как «третьей силе» в Великой Отечественной войне, авторы сборника доказывали, что бывшие власовцы, став эмигрантами второй волны, внесли важнейший вклад в борьбу НТС против коммунистического режима в СССР²⁵. Следует заметить, что в современной западной историографии высказывается мнение о мифологизации истории НТС. Так, известный американский историк Б. Тромли полагает, что миф о всемогущем НТС во многом был продуктом борьбы спецслужб эпохи холодной войны²⁶.

Политическая история второй волны эмиграции нашла свое отражение и в трудах современных историков. Этому, в частности, посвящены многие работы А. В. Антошина²⁷. Еще в 2008 г. появился и обобщающий труд П. Н. Базанова, посвященный издательской деятельности политических организаций русской эмиграции²⁸.

Эмигранты второй волны сыграли серьезную роль в идеологическом обеспечении холодной войны. Всплеск их политической активности пришелся на период конца 1940-х — начала 1950-х гг., в условиях Корейской войны они стремились к взаимодействию с Госдепартаментом и спецслужбами США, надеясь, что их потенциал будет востребован при реализации стратегии информационной войны против СССР. Эти надежды, конечно, не были беспочвенными, поскольку именно в период Корейской войны американские спецслужбы особенно тщательно анализировали внешнеполитическую активность СССР²⁹. При этом востребованными оказывались специалисты со знанием русского языка и советской реальности: не случайно немало русских эмигрантов в этот период занимались преподавательской деятельностью в военных и разведывательных учебных заведениях США.

Эмигранты второй волны оказали и серьезное влияние на формирование западной советологии. Так, именно их свидетельства легли в основу знаменитого Гарвардского проекта, осуществленного в начале 1950-х гг.³⁰ Политическая элита второй волны стояла и у истоков Мюнхенского института по изучению СССР, который являлся, возможно, ключевым центром европейской советологии 1950–1960-х гг.³¹

Политическая история второй волны затрагивается и в упомянутых выше трудах регионоведческого характера. Так, М. Н. Мосейкина характеризует основные направления политической деятельности представителей второй волны эмиграции в странах Латинской Америки. Значительное внимание в работе Г. И. Каневской уделено влиянию эмигрантов второй волны на политическую атмосферу в австралийском обществе второй половины XX в. Историк подробно характеризует разнообразные антикоммунистические организации, созданные бывшими советскими «ди-пи» в Австралии. Анализируя их деятельность,

стремление их членов повлиять на политическое сознание австралийцев, Г. И. Каневская отмечает, что именно бывшие советские «ди-пи» «рассказали неосведомленным “оззи” суровую правду о сталинском режиме»³².

«Прокляты и забыты»? След второй волны эмиграции в истории русской культуры

Традиционно считается, что в плане «имен», значимых фигур в истории русской культуры вторая волна эмиграции значительно беднее первой. Парадокс, однако, состоит в том, что именно литераторы стали первыми представителями второй волны, имена которых спустя много лет впервые прозвучали на родине. Когда вспоминают о второй волне эмиграции, то прежде всего называют имена поэтов и писателей из числа бывших советских «ди-пи»: И. В. Елагина, Л. Д. Ржевского, Б. Н. Ширяева и других. Именно их произведения в 1990-е гг. стали печататься и в России, начали формировать образ второй волны эмиграции в общественном сознании. Данное обстоятельство не случайно: относительная «неполитизированность» данной сферы, казалось, позволяла проще интегрировать бывших «перемещенных лиц» в пространство русской культуры.

Однако в случае со второй волной эта неполитизированность, конечно, была иллюзорной. Судьбы литераторов, принадлежавших к этой волне, неотделимы от катаклизмов, которые переживала Россия в XX в. Для одного из крупнейших деятелей культуры второй волны И. В. Елагина эта неотделимость вообще была принципиальной позицией:

Меня не отделишь
От времени. С ним не рассоришь!
Я сын его гульбищ и зрелищ,
Побоищ и сборищ!

Я сын его торжищ
И гноищ, позорищ и пиршеств!
Меня не отторгнешь
От времени. С мясом не вырвешь!³³

Одной из ключевых тем творчества деятелей культуры второй волны, конечно, были политические репрессии в СССР в 1930-е гг. Бывшие советские люди, многие из которых сами побывали в ГУЛАГе, писали об этом своем опыте откровенно, жестко, с вполне естественным душевным надрывом. Между тем сталинские репрессии, как известно, — это одна из самых болезненных сфер исторической памяти в современной России, проблема мемориализации ГУЛАГа весьма неоднозначно воспринимается общественным сознанием³⁴.

Поэтому не случайно то обстоятельство, что проблема места второй волны советской эмиграции в истории русской культуры является весьма дискуссионной. Большой вклад в разработку этой проблемы внес известный петербургский литературовед В. В. Агеносов, ставший автором наиболее известной

антологии писателей «ди-пи» и второй эмиграции. Именно В. В. Агеносову, пожалуй, лучше всего удалось представить широкому кругу читателей в России творчество принадлежавших к этой волне литераторов. «Те, кто, пройдя все муки войны и неметчины, остался на чужбине, по-прежнему прокляты и забыты»³⁵, — писал В. В. Агеносов. Именно он за последние 30 лет многое сделал для возвращения на родину творчества писателей и поэтов этой волны.

Конечно, В. В. Агеносов не мог не затронуть и такую сложную проблему, как изображение Великой Отечественной войны в творчестве писателей из числа бывших советских «ди-пи». Он указывает, что для данной группы литераторов война — это «экзистенциальная катастрофа», при этом в их произведениях «полностью отсутствует негативное отношение к русскому солдату»³⁶.

Однако в современных отечественных исследованиях встречается и значительно более критичный взгляд на творчество литераторов из числа бывших советских «ди-пи». Он характерен, в частности, для Ю. В. Матвеевой. Она справедливо отмечает, что именно тема войны стала «зоной идейно-философского пересечения и полемики всех трех волн русской эмиграции — узловым, центральным в хронологии XX в. событием, скрепившим и в то же время отчетливо противопоставившим эти три волны друг другу»³⁷. При этом именно отношение Ю. В. Матвеевой к творчеству литераторов второй волны весьма жесткое. Литературовед полагает, что в их книгах о войне «антитоталитаристский пафос с его откровенно публицистической декларативностью откровенно доминирует над правдой искусства. Литература второй эмиграционной волны — не о человеке, а о системе, что всегда оказывается схематичнее, однозначнее, более предсказуемо»³⁸.

Заметим, впрочем, что в исследовании Ю. В. Матвеевой представлен тот образ русского зарубежья, который формируется при знакомстве с художественными произведениями, созданными эмигрантской интеллигенцией. Насколько адекватен был этот образ исторической реальности, насколько корректно он характеризует позицию русского зарубежья в целом? Ю. В. Матвеева указывает, что «позиция первой русской эмиграции — в том виде, в каком она реконструируется по литературно-художественным источникам — была безусловно патриотической по отношению к России, нравственно-гуманистической по духу и в общем антифашистской»³⁹. Однако фактически вне поля зрения Ю. В. Матвеевой остается символ белой эмиграции — русское офицерство. Многие его представители, как известно, восприняли Вторую мировую войну как шанс на свержение коммунистического режима в СССР, так или иначе сотрудничали с державами «оси».

Проблема вклада особой группы эмигрантов второй волны — «остарбайтеров» — в историю русской культуры затрагивается в работах П. Н. Базанова. Несколько категорично историк заявляет: «Остарбайтерам отказывают в любом вкладе в наследие русской эмиграции... Безосновательно ставится под сомнение и культурный уровень любых представителей этой группы»⁴⁰. Вместе с тем совершенно справедлив, на наш взгляд, тезис П. Н. Базанова о том, что не следует игнорировать практику насильственного угона жителей оккупированных немцами территорий в Третий рейх, подчеркивать добровольность их

пребывания в Германии, что, к сожалению, часто присутствует в современной публицистике, оказывая мощное влияние на историческое сознание россиян.

В течение многих лет П. Н. Базанов занимается изучением творчества одного из крупнейших деятелей второй волны — историка, культуролога, литературоведа Н. И. Ульянова. Этим сюжетам посвящена его монография, вышедшая в 2018 г. Для П. Н. Базанова бывший советский «ди-пи» Н. И. Ульянов — прежде всего убежденный патриот России, известный своими трудами по национальному вопросу, которые «стали особенно актуальны в наше время в связи с современной политической обстановкой, так как разоблачают изначальные мифы и неправду идеологии украинских самостийников»⁴¹. Парадоксальным является то обстоятельство, что именно Н. И. Ульянов — представитель второй волны эмиграции, на которой лежит клеймо предателей родины, — наиболее последовательно выступал за единство и территориальную целостность нашей страны, был активным сторонником концепции Великой России. Пожалуй, именно фигура Н. И. Ульянова наиболее ярко отражает всю противоречивость такого феномена, как вторая волна эмиграции из СССР.

Заключение

Вторая волна по-прежнему продолжает зачастую ускользать из поля зрения исследователей, которые обращаются к феномену русского зарубежья. В чем причины этого явления? Конечно, играет свою роль «неуловимость» самого понятия «эмигрант», отсутствие в исследовательской литературе его четких критериев, на что указывают, в частности, В. Хрисанфов и Н. Турыгина⁴². Однако дело, конечно, не только в этом. Весьма противоречив сам концепт второй волны эмиграции. Генетически связанный с введенным в научный оборот в конце 1940-х гг. Дж. Фишером понятием «новая советская эмиграция», он несет в себе надежды и идейные установки тех людей, которые окружали в те годы молодого американского историка, — бывших власовцев. Оказавшись в послевоенном мире во многом на положении изгоев, запятнанных сотрудничеством с нацистами в годы войны, они, бесспорно, стремились показать, что являлись лишь частью гораздо более крупного феномена — целой волны эмиграции из СССР. Утверждая этот тезис, они при этом формировали в обществах стран Запада и представление о том, что идейно-политическое руководство второй волной советской эмиграции осуществляли приверженцы идеологии власовского движения. Так произошло соединение людей с самыми разными судьбами, выброшенных за пределы своей родины событиями Второй мировой войны, в имеющий определенную коллаборационистскую окраску исторический феномен.

При этом часто из поля зрения исследователей ускользают возможности рассмотрения этих людей под иными углами зрения. Из сделанных самими эмигрантами попыток такого рода, на наш взгляд, практически незамеченным остался сборник мемуаров «Судьбы поколения 1920–1930-х гг. в эмиграции». Он создает иной феномен — молодежь второй половины 1940-х гг. — начала 1950-х гг., которая, используя выражение составителя сборника Л. С. Флам,

«созревала на Западе, вне России, хотя и на русской закваске»⁴³. Вопреки расхожему мнению о весьма жестких границах между первой и второй волнами Л. С. Флам замечает: «Если среди старшего поколения ощущалось подчас деление на старых и новых эмигрантов, то мы, молодежь, сразу же органически слились»⁴⁴.

Большой эвристический потенциал имеет еще одна попытка взгляда на советских «ди-пи» в ином ракурсе — вышедшая в 2019 г. под редакцией польского историка Анны Мазуркевич коллективная монография «Восточноевропейские миграции в холодной войне»⁴⁵. В ней советские перемещенные лица и политэмигранты предстают одной из групп восточноевропейских эмигрантов эпохи холодной войны. Материал монографии убедительно показывает, что в различных странах Центральной и Восточной Европы во многом действовали одни и те же механизмы формирования за рубежом эмигрантских политических группировок. Много общего оказалось и в специфике пропагандистских акций эмигрантов-антикоммунистов из стран «советского блока», особенностях их взаимодействия с западными спецслужбами. На наш взгляд, именно сотрудничество с коллегами из стран Центральной и Восточной Европы позволит российским исследователям по-новому взглянуть на явление послевоенной политической эмиграции из СССР.

При этом по-прежнему дискуссионным является вопрос о составе тех групп, которые входили в понятие второй волны эмиграции из СССР. Насколько правомерно включать в ее состав «перебежчиков», таких как бывший офицер Советской военной администрации в Германии Г. П. Климов, автор книги «Я выбрал свободу» бывший советский чиновник В. А. Кравченко и др.? Современники достаточно жестко разграничивали эти два потока, говоря о «новой» и «новейшей» эмиграции: слишком сложными были отношения между собой бывших власовцев и тех, кто зачастую воевал с ними вплоть до мая 1945 г. Однако, к сожалению, тема «перебежчиков» пока еще крайне слабо освещена в российской исследовательской литературе, что связано в том числе и с состоянием источниковой базы, закрытостью многих архивов советских спецслужб.

Как часто бывает, недостаточное внимание профессиональных историков к крупной исследовательской проблеме ведет к тому, что в дело вступают художники слова, литераторы. Не случайно широкий резонанс имел выход в свет в 2019 г. произведения Н. В. Кононова «Восстание»⁴⁶. Написанная в жанре «документального романа», эта книга затрагивает многие аспекты темы перемещенных лиц и второй волны эмиграции из СССР. Интерес читателей к данному произведению, обсуждение его на различных форумах еще раз свидетельствуют о том, что существует общественная потребность во всестороннем анализе исторического феномена второй волны эмиграции из СССР, что должно стать задачей российского сообщества историков.

¹ Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. // Российская история. 2010. № 3. С. 102.

² Fischer G. The New Soviet emigration // The Russian Review. 1949. Vol. 8, no. 1. P. 6–19.

- ³ *Fischer G.* Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II. Cambridge, Mass., 1952.
- ⁴ *Tolstoy N.* Victims of Yalta. London, 1977.
- ⁵ В поисках истины: пути и судьбы второй эмиграции / под общ. ред. А. В. Попова. М., 1997.
- ⁶ *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. М., 1997; XX век. История одной семьи / под ред. А. В. Попова. М., 2003; *Троицкий Н. А.* Ты, мое столетие... М., 2006.
- ⁷ Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011.
- ⁸ Диалог о книге «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен» // Российская история. 2013. № 1. С. 4–32.
- ⁹ *Горбачев О. В.* Мигранты и Российское государство в XX в.: возможности и ограничения // Quaestio Rossica. 2018. № 1. С. 241.
- ¹⁰ *Cohen G.* In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order. NY: Oxford University Press, 2011; *Fitzpatrick Sh.* Mischka's War. A European Odyssey of the 1940s. Melbourne, 2017; *Gottfried T.* Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors. Brookfield, CT, 2001; *Hilton L.* Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952. PhD diss., Ohio State University, 2001; *Holian A.* Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany. Ann Arbor, 2011; *Marrus M.* The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War. Philadelphia, 2002; *Persian J.* Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians. Sydney, 2017; *Wyman M.* DP: Europe's Displaced Persons, 1945–1951. Ithaca, NY, 1998.
- ¹¹ *Котова Т. А.*: 1) Деятельность католических миссий по оказанию помощи перемещенным лицам в послевоенный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2015. № 4. С. 45–54; 2) Повседневная жизнь в лагерях для перемещенных лиц в Германии (по личным воспоминаниям их обитателей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2015. № 1. С. 69–80.
- ¹² *Волошина В. Ю.* История повседневности русского зарубежья как отрасль современного эмигрантоведения // Нансеновские чтения. 2012. СПб., 2014. С. 9–16.
- ¹³ *Котова Т. А.* Деятельность католических миссий по оказанию помощи перемещенным лицам в послевоенный период. С. 50.
- ¹⁴ *Арро С. Е.* Историческая эволюция репатриации на примерах некоторых судеб русской эмиграции двух первых «волн»: роль солидаристов в спасении российских граждан от насильственной репатриации за рубежом в 1945–1947 гг. // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения — 2014: труды междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 369.
- ¹⁵ Там же. С. 386.
- ¹⁶ *Талалай М. Г.* Вторая волна русской эмиграции в Италии и проблемы репатриации // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения — 2014: труды междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 414.
- ¹⁷ *Головкин А. А.* Правовое положение русских эмигрантов в США в послевоенный период (1945–1950-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2017. № 1. С. 88.
- ¹⁸ Там же. С. 92.
- ¹⁹ *Мосейкина М. Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М., 2011. С. 226.
- ²⁰ *Каневская Г. И.*: 1) «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. — вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010; 2) «Заселить или погибнуть». Иммиграционная политика Австралии (XIX — начало XXI вв.). Владивосток, 2017.
- ²¹ *Каневская Г. И.* «Заселить или погибнуть»... С. 50.
- ²² *Афанасьев А. Л.* Польнь в чужих полях. М., 1987; *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М., 1983; и др.
- ²³ *Александров К. М.*: 1) Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. 1944–1945. М., 2009; 2) «Схема национально-трудового строя» 1942–1944 гг.: результаты со-

вместного идейно-политического творчества русских эмигрантов и «подсоветских» людей // Нансеновские чтения, 2016. СПб., 2018. С. 223–237.

²⁴ Черняев В. Ю. Белая эмиграция и план «Новой России» в Манифесте КОНР // Нансеновские чтения, 2016. СПб.: Северная звезда, 2018. С. 238–280.

²⁵ От Зарубежья до Москвы. Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014 / сост. В. Сендеров. М., 2014.

²⁶ Tromley B. The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities // *Journal of Cold War Studies*. 2016. Vol. 18, iss. 1. P. 80–111.

²⁷ Антошин А. В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 — начале 1950-х гг. М.; СПб., 2014.

²⁸ Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд. СПб., 2008.

²⁹ Юнгблуд В., Садаков Д. Роль Советского Союза в Корейской войне по оценкам разведки США // *Quaestio Rossica*. 2019. № 4. С. 1324–1338.

³⁰ Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / под общ. ред. О. В. Будницкого, Л. Г. Новиковой. М., 2018.

³¹ Кодиш Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016.

³² Каневская Г. И. «Мы еще мечтаем о России...». С. 138.

³³ Елагин И. Ответ // *Новый журнал*. 1967. Кн. 89. С. 66.

³⁴ Стаф В. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // *Quaestio Rossica*. 2019. № 3. С. 791–800.

³⁵ Агеносов В. В. Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-пи и второй эмиграции. М.; СПб., 2014. С. 11.

³⁶ Агеносов В. В. Война в произведениях писателей ди-пи и второй эмиграции // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения — 2014. СПб., 2015. С. 62, 76.

³⁷ Матвеева Ю. В. Вторая мировая война в литературном восприятии трех волн русской эмиграции // *Quaestio Rossica*. 2016. № 2. С. 138.

³⁸ Там же. С. 150.

³⁹ Там же. С. 142.

⁴⁰ Базанов П. Н. Ю. Г. Слепухин и И. Н. Ульянов: к вопросу о роли «остарбайтеров» в культуре второй волны русской эмиграции // *Зарубежная Россия XX век: Слепухинские чтения* — 2016. СПб., 2018. С. 71.

⁴¹ Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб., 2018. С. 5.

⁴² Хрисанфов В., Турыгина Н. Русская диаспора в Болгарии: проблемы учета мигрантов межвоенного периода // *Quaestio Rossica*. 2020. № 1. С. 288.

⁴³ Судьбы поколения 1920–1930-х гг. в эмиграции. Очерки и воспоминания / ред.-сост. Л. С. Флам. М., 2006. С. 5

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ East Central European Migrations during the Cold War. A Handbook / ed. by A. Mazurkiewicz. Berlin; Boston, 2019.

⁴⁶ Кононов Н. В. Восстание. Документальный роман. М., 2019.

Статья поступила в редакцию 15 января 2023 г.

Рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антошин А. В. О них не любят вспоминать: вторая волна эмиграции из СССР в отечественных исследованиях второго десятилетия XXI в. // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 3. С. 759–774. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.314>

Аннотация: Статья посвящена проблеме второй волны эмиграции из СССР в современной российской историографии. Она основана на монографических исследованиях, а также публикациях ведущих отечественных журналов. Автор характеризует «политику памяти» в Российской Федерации, связанную с темой эмиграции из нашей страны в XX в. Проанализированы предпринимавшиеся в начале XXI в. попытки использовать феномен русского зарубежья в процессе конструирования национальной идеологии. При этом доказано, что основное внимание уделялось первой волне русской эмиграции, прежде всего деятелям Белого движения, покинувшим нашу страну после окончания Гражданской войны. Проблематика второй волны эмиграции из Советского Союза, тесно связанная с событиями Второй мировой войны, зачастую оставалась на заднем плане. Структура статьи соответствует основным этапам «эпопеи», которую довелось пережить эмигрантам второй волны. Значительное внимание автор уделяет освещению в научной литературе феномена перемещенных лиц («ди-пи»). Доказано, что в российской литературе уделяется недостаточное внимание обстоятельствам повседневной жизни в европейских лагерях «ди-пи». Между тем этот фактор оказывал значительное влияние на морально-психологическую атмосферу в лагерях и ценностные установки советских перемещенных лиц. В статье также охарактеризовано освещение в современной научной литературе иммиграционной политики государств Запада в отношении «ди-пи», показано, что правительства большинства стран были заинтересованы лишь в притоке молодых трудоспособных людей, способных внести вклад в развитие национальной экономики. Проанализирована роль советских перемещенных лиц в политическом противостоянии эпохи холодной войны. Как показано в статье, в современной литературе обоснован тезис о том, что лидеры второй волны эмиграции из СССР использовались Западом как инструмент в глобальном противостоянии эпохи холодной войны, хотя сами они стремились к тому, чтобы быть самостоятельным актором в данном конфликте. В конечном итоге автор приходит к выводу, что данная проблематика недостаточно представлена в исторических исследованиях последних лет, поэтому общественный интерес к данному феномену зачастую удовлетворяется произведениями художественной литературы и кинематографа.

Ключевые слова: перемещенные лица, русская эмиграция, вторая волна, СССР, политика памяти, Вторая мировая война, историография.

Сведения об авторе: Антошин А. В. — д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); alex_antoshin@mail.ru

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, Екатеринбург, пр. Мира, 19

FOR CITATION

Antoshin A. V. 'They Don't Like to be Remembered. "Second Wave" of Emigration from the USSR in Domestic Studies of the Second Decade of the 21st Century', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 3, 2023, pp. 759–774. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.314> (In Russian)

Abstract: The article is devoted to modern Russian historiography of the problem of the "second wave" of emigration from the USSR. The author characterizes the "politics of memory" in the Russian Federation, connected with the theme of emigration from our country in the 20th century. Analyzed undertaken at the beginning of the 21st century attempts to use the phenomenon of the Russian diaspora in the process of constructing a national ideology. At the same time, it is proved that the main attention was paid to the "first wave" of Russian emigration, primarily to the leaders of the White movement who left our country after the end of the Civil War. The problem of the "second wave" of emigration from the Soviet Union, closely connected with the events of the Second World War, often remained "in the background". The structure of the article corresponds to the main stages of the "epic" that the emigrants of the "second wave" had a chance to go through. The author pays considerable attention to

the coverage of the phenomenon of displaced persons ("DP") in the scientific literature. It is proved that insufficient attention is paid in the Russian literature to the circumstances of everyday life in the European DP camps. Meanwhile, this factor had a significant impact on the moral and psychological atmosphere in the camps and the values of the Soviet displaced persons. The article also describes the coverage in modern scientific literature of the immigration policy of the Western states in relation to "di-pi", it is shown that the governments of most countries were only interested in the influx of young able-bodied people who could contribute to the development of the national economy. The role of Soviet displaced persons in the political confrontation of the Cold War era is analyzed.

Keywords: displaced persons, Russian emigration, second wave, USSR, memory policy, World War II, historiography.

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-28-01705 "Internationalization of the problem of indigenous minorities, refugees and 'displaced persons' in the conditions of the Cold War".

Author: *Antoshin A. V.* — Dr. Sci. in History, Professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); alex_antoshin@mail.ru

Ural Federal University, 19, pr. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russia

References:

- Afanasyev A. L. *Wormwood in foreign fields* (Moscow, 1987). (In Russian)
- Agenosov V. V. *Resurrected from oblivion. Anthology of writers of DP and the second emigration* (Moscow; St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Agenosov V. V. 'The War in the Works of Writers of D-P and the Second Emigration' in *Emigranty i repatrianty XX veka: Slepukhinskie chteniia — 2014* (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Aleksandrov K. M. *Officer Corps of the Army of Lieutenant General A. A. Vlasov. 1944–1945* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Aleksandrov K. M. "The scheme of the national labor system" of 1942–1944: the results of the joint ideological and political creativity of Russian emigrants and "sub-Soviet" people' in *Nansenovskie chteniia, 2016* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Antoshin A. V. *On the fronts of World War II and the Cold War: Russian emigrants in 1939 — early 1950s* (Moscow; St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Arro S. E. 'The historical evolution of repatriation on the examples of some of the fates of Russian emigration of the first two "waves": the role of solidarists in saving Russian citizens from forced repatriation abroad in 1945–1947' in *Emigranty i repatrianty XX veka: Slepukhinskie chteniia — 2014* (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Bazanov P. N. *"Petropolsky Tacitus" in exile: The life and work of the Russian historian Nikolai Ulyanov* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Bazanov P. N. *Publishing activity of political organizations of Russian emigration (1917–1988)*, 2nd ed. (St. Petersburg, 2008). (In Russian)
- Bazanov P. N. 'Yu. G. Slepukhin and I. N. Ulyanov: on the role of "Ostarbeiters" in the culture of the second wave of Russian emigration' in *Zarubezhnaia Rossiia XX vek: Slepukhinskie chteniia — 2016* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Bordyugov G. A. (ed.) *Scientific community of historians of Russia: 20 years of changes* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Budnitsky O. V., Novikova L. G. (ed.) *Harvard Project: Declassified Evidence about the Great Patriotic War* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Chernyaev V. Yu. 'White emigration and the "New Russia" plan in the KONR Manifesto' in *Nansenovskie chteniia, 2016* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Cohen G. *In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order* (New York, 2011).
- Mazurkiewicz A. (ed.) *East Central European Migrations during the Cold War. A Handbook* (De Gruyter Oldenbourg, 2019).
- Elagin I. 'Answer', *The New Review*, vol. 89, 1967. (In Russian)
- Fischer G. *Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II* (Cambridge, Mass., 1952).
- Fischer G. 'The New Soviet emigration', *The Russian Review*, vol. 8, no. 1, 1949.
- Fitzpatrick Sh. *Mischka's War. A European Odyssey of the 1940s* (Melbourne, 2017).

- Flam L. S. (ed.) *The fate of the generation of the 1920–1930s in exile. Essays and memoirs* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Golovkin A. A. 'Legal status of Russian emigrants in the USA in the post-war period (1945–1950s)', *RUDN Journal of Russian History*, no. 1, 2017. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-1-81-96> (In Russian)
- Gorbachev O. V. 'Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations', *Quaestio Rossica*, no. 1, 2018. <https://doi.org/10.15826/qr.2018.1.293> (In Russian)
- Gottfried T. *Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors* (Brookfield, 2001).
- Hilton L. *Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952* [PhD Dissertation] (Ohio State University, 2001).
- Holian A. *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany* (Ann Arbor, 2011).
- Kanevskaya G. I. "Populate or perish." *Australian immigration policy (19th — early 21st centuries)* (Vladivostok, 2017).
- Kanevskaya G. I. "We still dream of Russia..." *History of the Russian diaspora in Australia (end of the 19th century — second half of the 80s of the 20th century)* (Vladivostok, 2010). (In Russian)
- Kodin E. V. *Munich Institute for the Study of the USSR, 1950–1972: European Center of Sovietology?* (Smolensk, 2016) (In Russian)
- Kononov N. V. *Uprising* (Moscow, 2019). (In Russian)
- Konstantinov D., archpriest. *Through the tunnel of the twentieth century* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Kotova T. A. 'Activities of Catholic missions to assist displaced persons in the post-war period', *RUDN Journal of Russian History*, no. 4, 2015. (In Russian)
- Kotova T. A. 'Everyday life in the camps for displaced persons in Germany (according to the personal recollections of their inhabitants)', *RUDN Journal of Russian History*, no. 1, 2015. (In Russian)
- Khrisanfov V., Turygina N. 'Russian diaspora in Bulgaria: problems of counting migrants in the interwar period', *Quaestio Rossica*, no. 1, 2020. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.462> (In Russian)
- Marrus M. *The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War* (Temple University Press, 2002).
- Matveeva Yu. V. 'The Second World War in the Literary Perception of the Three Waves of Russian Emigration', *Quaestio Rossica*, no. 2, 2016. (In Russian)
- Moseykina M. N. "Dispersed, but not dissolved": *Russian emigration in Latin America in 1920–1960* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Persian J. *Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians* (Sydney, 2017).
- Pronin A. A. 'Russian emigration in domestic dissertation research in 1980–2005', *Rossiiskaia istoriia*, no. 3, 2010. (In Russian)
- Popov A. V. (ed.) *XX century. History of one family* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Popov A. V. (ed.) *In search of truth: ways and fate of the second emigration* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Senderov V. (ed.) *From Abroad to Moscow. People's Labor Union (NTS) in memoirs and documents. 1924–2014* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Staf V. 'Tomsk Museum "Investigation Prison of the NKVD": problems of memorialization of the Gulag', *Quaestio Rossica*, no. 3, 2019. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.3.408> (In Russian)
- Talalay M. G. 'The second wave of Russian emigration in Italy and the problems of repatriation' in *Emigranti i repatrianty XX veka. Slepukhinskie chteniia — 2014* (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Tolstoy N. *Victims of Yalta* (London, 1977).
- Troitsky N. A. *You, my century* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Tromley B. 'The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities', *Journal of Cold War Studies*, vol. 18, iss. 1, 2016. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00620
- Voloshina V. Yu. 'The history of everyday life of the Russian abroad as a branch of modern emigrant studies' in *Nansenovskie chteniia, 2012* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Wyman M. *DP: Europe's Displaced Persons, 1945–1951* (Ithaca, NY, 1998).
- Yakovlev N. N. *CIA against the USSR* (Moscow, 1983). (In Russian)
- Yungblud V., Sadakov D. 'The role of the Soviet Union in the Korean War according to US intelligence estimates', *Quaestio Rossica*, no. 4, 2019. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.4.441> (In Russian)

Received: January 15, 2023

Accepted: April 15, 2023